

Эти слова и впрямь напугали людей из семьи Ван. Они были жадны и злы, но всё же родились и выросли в этой деревне - могли лишь кричать да угрожать, но по-настоящему довести человека до смерти не осмелились бы: соседи рядом, дверь к двери, тогда их же заплюют до смерти.

Женщина из семьи Ван отступила на шаг и, стараясь сохранить грозный вид, пробормотала:

— Ты... ты... ты, гэр! С каких это пор у тебя язык такой острый?! Ну давай, попробуй удариться, посмотрим, хватит ли смелости!

Стоило ей это сказать, как зрители уже не выдержали и заговорили наперебой:

— Эй, из семьи Ван! Хоть немного совести имейте!

— Вот именно! Доведёте человека до смерти - не боитесь, что он к вам по ночам являться будет?!

— Совсем совесть потеряли! У людей и так сироты да вдова, а вы их к смерти толкаете!

А соседка Линь Синь-нян и вовсе разошлась не на шутку: оперев руки в бока, она заорала:

— Тьфу! Ни стыда ни совести! Сказали - четырнадцать лян, и сразу правда? А я ещё скажу, что я тебе мать родная, чего ж ты не зовёшь меня матерью?!

— Смешно даже! Все мы в одной деревне живём - голову поднимешь, лицо увидишь! Думаете, никто не знает, что вы за люди? У вас в семье один ни на что не годен, другой ленивый, какие у вас богатства, чтобы четырнадцать лян в долг давать? Дайте-ка и мне такую сумму, посмотрим!

Шум стоял немалый. Лю Гуюй стоял в стороне, мысленно усмехаясь, и вдруг он хитро повел глазами, и в следующий миг по щекам уже катились две слезы. Он поспешно смахнул их и, всхлипывая, закричал:

— Не хочу больше жить! Нет у меня другого выхода!

И, говоря это, он уже подался вперёд, будто собираясь удариться о гроб, при этом вопил так громко, словно боялся, что никто не заметит его «подвига». Наконец толпа зашевелилась: стоявшие ближе люди поспешили его удержать, Цуй Ланьфан, забыв даже о кашле, схватила дочь и тоже бросилась вперёд.

Но был один человек, который оказался быстрее всех.

Разумеется, Лю Гуюй вовсе не собирался и впрямь биться о гроб: если бы от такого удара он вдруг вернулся в свой прежний мир, считай, повезло, но если бы он просто взял да и умер, кому тогда жаловаться?

На такое не поставишь.

Он заранее прикинул расстояние и рассчитал, что его успеют остановить ещё до того, как он коснётся гроба, но человек, схвативший его, ещё не успел приложить силу, как он сам с размаху врезался в тёплую «стену» из человеческого тела.

Грудь была худой и слабой, и от удара его даже отбросило назад. Почти одновременно Лю Гуюй услышал тихий приглушённый стон.

Он поспешно поднял голову и увидел, что Цинь Жунши, неизвестно когда оказавшийся перед гробом, стоит там, сосредоточенно глядя на него тяжёлым, тёмным взглядом.

Лю Гуюй: «...»

Он ещё не успел ничего сказать, как в следующий миг его вновь обняла подбежавшая Цуй Ланьфан. Женщина, обняв его, опустилась вместе с ним на землю и, надрывая голос, разрыдалась, причитая сквозь слёзы:

— Как нам теперь жить?! Чего вы, из семьи Ван, добиваетесь?! Вы что, хотите довести нас всех до смерти?!

— Если ты сегодня осмелишься расколоть гроб моего сына, я ночью повешусь у твоих ворот! И днём, и ночью буду смотреть на вас! Даже став призраком, не отпущу вас!

Лю Гуюй плакал притворно, а вот Цуй Ланьфан по-настоящему: её рыдания были раздирающими душу, она захлёбывалась кашлем, словно не могла вдохнуть, грудь её звучала, как старые, разваливающиеся кузнечные меха, пропуская воздух с жалобным свистом.

Слова её, полные слёз и боли, заставили и окружающих невольно вздыхать.

В этот момент к дому поспешно подошёл человек с заложенными за спину руками, за ним следовали двое крепких молодых мужчин. Это был староста деревни Шанхэ, именно здесь сейчас находился Лю Гуюй.

Шум поднялся большой, и кто-то уже успел сообщить старосте, так что Чэнь Цяошэн не замедлил явиться.

— Что тут происходит! Что опять за шум?!

Чэнь Цяошэн держал в руке длинную трубку с кисетом; войдя во двор семьи Цинь, он холодно окинул всех взглядом и постучал трубкой о бамбуковую ограду.

Не дожидаясь, пока кто-то из семьи Цинь заговорит, Линь Синь-нян первой не выдержала и поспешно сказала:

— Староста! Как раз вовремя! Вы должны рассудить по справедливости!

С этими словами она подробно, от начала до конца, изложила всё случившееся.

Чэнь Цяошэн нахмурился и, уставившись на людей из семьи Ван, сурово спросил:

— Это правда? У семьи Цинь ещё похороны старшего сына не закончены, а вы уже пришли устраивать скандал?

Цуй Ланьфан в это время тоже поднялась, поддерживая Лю Гуюя, вытерла рукавом слёзы и воскликнула:

— Староста, прошу, защитите нас! Мы правда не должны семье Ван таких денег! Четырнадцать лян! Я тогда обошла всех соседей, но даже у всех вместе столько не заняла!

Чэнь Цяошэн был деревенским старостой, человек он был не злой, но любил важничать и обожал, когда его превозносят. Лю Гуюй, читавший оригинал книги, прекрасно знал его характер.

Он тоже выступил вперёд:

— Староста, вы человек учёный и справедливый! Мой покойный отец всегда говорил, что вы - один из самых уважаемых людей в деревне, и за всё время не было ни одного несправедливого решения! Прошу вас, помогите нам! Вы сами видите - мой муж только что умер, свекровь больна; если семья Ван будет раз за разом приходить и устраивать скандалы, нам просто не выжить!

Говоря это, он снова выдавил из себя слёзы, да так, что в какой-то момент плакал даже горше, чем сама Цуй Ланьфан.

Чэнь Цяошэн, конечно, умел читать, но назвать его образованным было бы преувеличением, знал он лишь ограниченное число иероглифов; в молодости несколько лет пытался сдать экзамен на степень туншэна, но так и не смог. Однако отец Лю Гуюя был единственным сюцаем в деревне, и его похвала значила для Чэнь Цяошэна куда больше, чем слова других. Услышав это, он наконец расплылся в улыбке, прищурился и довольно кивнул, после чего резко повернулся и злобно уставился на людей из семьи Ван.

Он, как мужчина, не стал связываться с женщиной из семьи Ван, зато своей трубкой несколько раз крепко стукнул по лбам её сыновей.

— Вам не стыдно?! У семьи Цинь остались одни женщины да дети, а вы, здоровые мужики, ещё и приходите их притеснять?!

— Разве вы не говорили, что долг... десять... деся...

Он запнулся, забыв число, и тут же кто-то рядом подсказал:

— Четырнадцать лян!

Чэнь Цяошэн тут же подхватил:

— Точно! Четырнадцать лян! Разве вы не утверждали, что вам должны четырнадцать лян? Тогда покажите расписку!

Эти слова уже звучали из уст Лю Гуюя, а теперь их повторил и староста, и люди из семьи Ван окончательно растерялись, мямля и не решаясь ответить. Они могли вести себя нагло с Цуй Ланьфан, но перед Чэнь Цяошэном уже не осмеливались идти напролом; потянув время и поняв, что выкрутиться не удастся, мать Ван начала бормотать, будто «просто ошиблись», и, потянув за собой сыновей, собралась уходить.

Но Лю Гуюй не собирался их отпускать. Он тут же снова рассыпался в похвалах старосте, называя его справедливым и честным, человеком с горячим сердцем, так что тот даже расплылся в улыбке. А затем Лю Гуюй добавил:

— Что, порог нашего дома такой низкий? Захотели - пришли скандалить, захотели - ушли? Уйти-то можете, но сначала верните расписку! Деньги уже отданы, зачем вы её удерживаете?!

Женщина из семьи Ван не хотела отпускать документ, покосилась на старосту и, заикаясь, ответила:

— Кто... кто сказал, что всё выплачено? Ещё кое-что должны...

Лю Гуюй тут же в ответ сплюнул и сказал:

— Только что сами говорили: долг погашен, остались лишь проценты! Здесь ведь столько людей слышало - все тётушки и дяди могут подтвердить!

Услышав это, Линь Синь-нян первой громко заявила:

— Верно! Мы все слышали!

— Да-да!

— Мы всё слышали!

Лю Гуюй продолжил:

— А что до тех самых процентов... вы говорили, что ещё три-пять лян не хватает. Как раз староста здесь, человек опытный, пусть скажет: если заняли четыре ляна, нужно ли возвращать пять лян процентов? Это по каким таким законам? Или, может, законы Великой Юн вы сами устанавливаете?!

Этот гэр и впрямь не стеснялся в выражениях: Чэнь Цяошэн как раз потягивал свой табак, когда услышал слова про «законы Великой Юн», и так перепугался, что поспешно воскликнул:

— Ай-яй, ты что такое говоришь! С такими словами не шутят!

Но, несмотря на это, он уже понял, в чём дело, и тут же постановил, чтобы мать Ван принесла расписку. Та сначала не хотела, надеясь выкрутиться наглостью, но староста пользовался в деревне большим авторитетом, ссориться с ним она не решилась; увидев его холодный взгляд, она съёжилась и велела младшему сыну сбежать домой за распиской.

Когда бумага оказалась в руках, Лю Гуюй передал её Цуй Ланьфан и, при старосте и всех деревенских, сказал:

— Мама, порви её.

Цуй Ланьфан, услышав это, глубоко вдохнула и, сдерживая слёзы, разорвала тонкий листок на куски.

Семья Ван, не добившись своего, пришла с шумом и угрозами, а ушла, поджав хвост, больше не смея поднимать голос.

Когда зрелище закончилось, люди постепенно разошлись по домам. Чэнь Цяошэн всё так же потягивал табак, прищурившись, улыбался, а затем бросил на Лю Гуюя взгляд с непонятным выражением и заметил:

— Лю-гэр, гляжу, ты стал не таким, как раньше.

Он внимательно осмотрел его с головы до ног, хотя на лице по-прежнему держалась улыбка.

Лю Гуюй сделал вид, что не понял намёка, и с улыбкой ответил:

— У меня муж умер, в доме старые да малые, если я сам не встану на ноги, как нам жить? Староста у нас человек добрый, сегодня всё благодаря вам обошлось; и дальше, боюсь, ещё придётся вас беспокоить.

Чэнь Цяошэн ничего больше не сказал, лишь хмыкнул пару раз, затем ткнул трубкой в сторону двора, который после визита семьи Ван выглядел перевернутым вверх дном, и произнёс:

— Ладно, приводите тут всё в порядок сами.

С этими словами староста ушёл, и во дворе осталась лишь семья из четырёх человек.

Лю Гуюй выдохнул с облегчением, похлопал себя по груди и огляделся, после чего заметил, что Цинь Жунши хмуро смотрит на него, одновременно потирая грудь, куда пришёлся удар.

Лю Гуюй: «...»

Цинь Баньбань подбежала ближе, её глаза сияли, и она медленно сказала:

— Старшая невестка такой умный! И этот... как его... закон... ты так много знаешь!

Она имела в виду «Законы Великой Юн». Обычные крестьяне и так боялись властей и законов, а услышав слова Лю Гуюя, да ещё и про донос в управление, испугались ещё сильнее.

Но...

Лю Гуюй покашлял и тихо признался:

— Я это... выдумал.

Цинь Баньбань наклонила голову, недоумевая:

— ?

Цуй Ланьфан, только что плакавшая, вдруг осеклась:

— ...

И лишь Цинь Жунши внезапно рассмеялся. Он тихо хмыкнул, затем поднял голову и сказал:

— Никаких «Законов Великой Юн» не существует.

Впрочем, он не договорил: хоть название и было выдуманным, подобные законы действительно существовали, и наказания там были даже строже.

Глаза Лю Гуюя были яркими и живыми, вытянутыми, как листья ивы, мягкими и изящными, с приподнятыми уголками, уходящими к вискам.

Он показал Цинь Жунши большой палец и с улыбкой сказал:

— Вот это да! Ты ещё и такие вещи в учёбе проходишь?

Цинь Жунши ничего не ответил, лишь взял метлу и начал подметать двор.

А Цуй Ланьфан снова обняла Лю Гуюя и, с покрасневшими глазами, сказала:

— Гуюй, больше так не делай, ты меня до смерти напугал! Далан ушёл, я знаю, тебе тяжело, но нельзя же так, вдруг наделаешь глупостей!

И вот самая убитая горем мать начала утешать Лю Гуюя, по-настоящему поверив, что он едва не разбился о гроб.

Но, похоже, в семье только она одна была такой наивной и простодушной, даже Цинь Баньбань с запозданием поняла, что её старшая невестка всё это сделал нарочно.

И действительно, Лю Гуюй снова кашлянул и тихо добавил:

— Я притворялся.

Цуй Ланьфан: «...»

Лю Гуюй почесал голову и неловко усмехнулся, но, вспомнив, что стоит у гроба Цинь-далана, поспешно подавил улыбку и стал оправдываться:

— Я... я просто хотел их припугнуть. С такими негодьями рассуждать бесполезно, с ними можно только хитростью!

Он перестал смеяться, зато Цуй Ланьфан, сдерживая слёзы, неловко хихикнула пару раз, затем

с ещё более смущённым видом поднялась и сухо сказала:

— Я... пойду посмотрю в комнату далана, подберу ему ещё пару вещей в гроб положить...

Она неловко встала и так же неловко ушла, оставив Лю Гуюя одного стоять в ещё более неловком положении. Если не считать этой неловкости, всё закончилось благополучно.□□

<http://bllate.org/book/17177/1609619>